УДК 323

ЗАРОЖДЕНИЕ «ЦИФРОВОЙ ЭЛИТЫ» В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Чапурко Татьяна Михайловна доктор политических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России (350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославского, 128). E-mail: chapurko@mail.ru

Волошин Иван Иванович аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: chapurko@mail.ru

Чапурко Яна Яновна аспирант, ассистент, Кубанский государственный аграрный университет (350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13) E-mail: chapurko@mail.ru

Аннотация

В статье авторы выдвинут и рассмотрят гипотезу о появлении в современной России детерминант появления зачатков так называемой «цифровой элиты» – группы акторов, относящихся к правящей политической элите и представителей элиты бизнеса, чье будущее они связывают с цифровизацией страны. Такие акторы отличаются от так называемых «технократов публичного дискурса», поскольку заняты не футурологическими изысками, а внедрением на практике инициированных высшим руководством государства цифровых новаций и в зависимости от успеха или провала начинаний будет определена их политическая легитимность.

Ключевые слова: *правящая элита, элита России, цифровая элита.*

Аналитическое осмысление заявленной темы начнем с характеристики объективности предпосылок появления в современной России «цифровой элиты». По замыслу высшего руководства страны появление ростков «цифровой элиты» должно происходить как на федеральном, так и на муниципальном уровне. Для этого инициировано создание «цифровой экономики» и создание так называемых «умных городов». Рассматриваемые политические процессы уже сегодня оцениваются авторами статьи как разнонаправленные, встречающие как поддержку, так и латентное сопротивление, что будет далее по тексту аргументировано на основе эмпирических материалов.

В рамках осуществления цифровизации страны необходим публичный разговор элиты и населения страны об объективно существующих вызовах развития и о необходимости сотрудничестве в создании политик и отвечающего требованиям времени законодательства. Предлагаемый высшим руководством страны пакет «радикальных реформ» станет ответом на востребованность в общественном сознании новых возможностей трансформации политико-психологического климата в стране в рамках установки россиян на лозунг «Да, мы можем жить в цифровом обществе».

В настоящее время «состав правящей элиты предопределен характером экономики. Экспортный оборот страны на 85% сформирован за счет продажи нефти, газа и других полезных ископаемых. Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте – всего лишь 12,5%. Соответственно правящий слой формируют те, кто контролирует экспорт минерального сырья, прежде всего, газа и нефти, алмазов, металла, леса. Эти владельцы и экспортеры отечественных сырьевых ресурсов, как справедливо отмечают многие авторы, относятся к разряду «компрадоров-буржуа», т.е. предпринимателей, чье благополучие зависит не от внутренних, а от внешних экономических и политических факторов. Принцип деятельности этой доминирующей части компрадоров состоит в минимизации расходов на все, что не способствует прямо и немедленно

росту текущих прибылей» [1, с. 134]. До недавнего момента никакого переломного момента в этом дискурсе российской компрадорской элиты не было.

Более того, кризис конца нулевых годов укрепил легитимность авторитарных режимов. Последние, как оказалось, при эффективном правлении вполне обеспечивают успешную экономическую динамику [2], но не в России. Поиск современных инструментов управления для развития страны и ее регионов не произойдет в одночасье.

И в этом отношении неоценима роль политической науки. Но перманентно осуществляемые экспертная оценка и обширный внутренний анализ качества, а также другие процессы будут иметь большое значение для обеспечения стабильности функционирования политической системы только при наличии полноценного теоретического конструкта и разработки связанных с ним методологий.

Обратимся к детерминантам ориентации высшего руководства страны на развитие «цифровой экономики». В течение многих лет технологии рассматривались с точки зрения стимулирования бизнеса. Высшее руководство России поддерживало этот политический дискурс. Однако в современных условиях, когда экономика буксует и деградирует, уровень жизни падает, а люди не видят перспектив – элита для собственного выживания обязана изменить эту ситуацию. Соответствующие трансформации необходимо осуществить без революций и глобальных потрясений, которых совершенно обоснованно боятся и не хотят россияне. И в существующей ситуации два основных пути развития страны и политической системы. Первый путь – жесткая мобилизация и дисциплина, запрос на сильного авторитарного руководителя. Второй – запрос на инновации и технологический прогресс, в рамках которого основная ставка делается на технологический рывок.

В определенном аспекте отставание России обусловлено как отсутствие ориентации элиты на меритократизм, так и существованием в стране феномена промежуточных институтов. Понятие «промежуточных институтов» (transitional institutions) впервые было введено в работе профессора пекинского университета Цянь Инъи «Институциональные основы перехода Китая к рыночной экономике». Этот автор показал, как китайские реформаторы отказались от попыток сразу построить оптимальные институты и предпочли сначала создать работающие переходные институты [3]. Применительно к феномену цифровизации взаимовлияние институтов современного общества, указывается на важнейшую роль институтов в развитии страны и мобилизации активной части общества на осуществление качественного скачка в развитии. Как замечает С. Гуриев, «Если мы в ближайшие десятилетия собираемся сократить отставание от развитых стран, спор о том, растет ли российская экономика на 1% или 2% в этом году, абсолютно не важен. Российские доходы на душу населения ниже американских примерно в три раза. И чтобы сократить отставание, например, до полутора раз за 25 лет, темпы роста России должны опережать американские на три процентных пункта каждый год. Если американские доходы на душу населения будут расти на 1,5% в год (как прогнозирует МВФ), то российские должны расти на 4,5%. А чтобы догнать США за 25 лет, российские подушевые доходы должны расти на 6% в год, примерно как это сейчас происходит в Китае»[4].

Аналогичной точки зрения придерживается и экс-министр финансов А.Кудрин, который заявил о наличии для России риска потерять статус технологической державы, полагая при этом, что увеличение темпов роста ВВП России до 4% невозможно без удвоения не сырьевого экспорта. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в Российской Федерации, в 2015 году составил 8,3%, почти не изменившись по сравнению с 2010 годом – 7,9%. При этом в Германии эта доля составила 55 %, как говорится в презентации, представленной А. Кудриным, и который также подчеркнул в рамках совместного заседания президиума Союза промышленников и предпринимателей, «главный вызов – способны ли мы оставаться технологической державой в рамках четвёртой промышленной революции. Существует риск потери

статуса технологической державы. Нам нужно сосредоточиться на технологическом предпринимательстве, наша цель – не отстать в технологическом развитии»[5]. К настоящему времени большинство руководителей остро осознают, что цифровая экономика может быть либо возможностью, либо угрозой. Вопрос не в том, должны ли они участвовать в реализации поставленных высшим руководством страны задач. Основная проблема в долговременных мотивациях, а также наличия на разных уровнях государственного (муниципального) управления и бизнеса системе трансфера персонифицированных знаний и компетенций.

Обратимся далее к нормативной базе для осуществления цифровизации страны. В основе цифровизации Росси сегодня находится Национальная технологическая инициатива (НТИ) – государственная программа мер по поддержке развития в России перспективных отраслей, которые в течение следующих 20 лет могут стать основой мировой экономики. Разработка НТИ началась в соответствии с поручением Президента России по реализации Послания Федеральному Собранию от 1 декабря 2014 г. [6]. Практическая реализация Национальной технологической инициативы отражает запрос активной части российского общества на существенное улучшение качества жизни и повышение конкурентоспособности страны. В рамках НТИ в 2017 г. уже разработан ряд документов. Так, Председатель Правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев подписал распоряжение №1632-р от 28 июля 2017 г., утверждающее программу «Цифровая экономика Российской Федерации» [7], в которой определены цели, задачи, направления и сроки реализации основных мер государственной политики по созданию необходимых условий для развития в России цифровой экономики, в которой данные в цифровом виде являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, говорится на сайте правительства. До подписания данного распоряжения проект программы обсуждался на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, которое состоялось 5 июля 2017 г. И по результатам его обсуждения Президент России поручил до 31 октября 2017 г. определить и утвердить механизмы, источники и объёмы финансирования планов мероприятий программы «Цифровая экономика». В итоге Программа «Цифровая экономика» рассчитана до 2024 года и со ссылкой на «Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» она определяет цифровую экономику как «хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, которая способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно – телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы» [8].

В соответствии с упомянутым Указом Президента России национальные интересы России в информационном мире сформулированы таким образом: – развитие человеческого потенциала; – обеспечение безопасности граждан и государства; – повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве; – развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления; – повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы; – формирование цифровой экономики. Вместе с этим, Президент России в Указе, утверждающем «Стратегию развития информационного общества», говорит, что «Стратегия» нужна как условие формирования в стране «общества знаний» как «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учётом стратегических национальных приоритетов РФ».

В настоящее время происходит изменение философии управления, как экономикой, так и в государственной (муниципальной) сфере. К чести российской политической

науки соответствующие трансформации были спрогнозированы еще в момент зарождения потребности в изменениях.

Далее обратимся к трансформации мировосприятия российской элиты в контексте процессов цифровизации. Курс высшего руководства страны на цифровизацию до недавнего времени большей частью правящей элиты воспринимался не более как дань моде на использование в публичном пространстве лексики, связанной с обсуждением модернизационных трендов и не более того.

Такое состояние дискурса элиты неоднократно фиксировалось отечественными политологами. В частности, как отмечал Я.Ш. Паппе: «...поддержка крупного бизнеса была на протяжении большей части 1990-х годов необходимым фактором сохранения политического строя и политической элиты. И лишь с конца 1999 года ситуация значимо изменилась и стала ассиметричной: для крупного бизнеса отношения с государством все еще жизненно важны, для государства – уже нет» [9, с. 76]. Говоря иными словами, упомянутые тенденции были выявлены политологами как сигналы среди информационного шума.

Процитированные изменения произошли не мгновенно, хотя представители отечественной науки фиксировали еще десятилетие назад начальные стратегические подвижки в рассматриваемой сфере. Так, в частности, Л. Гудков и Б. Дубин отмечали, что «важнейший социологический признак... элиты – ее открытость, то есть публичный характер оценки и сертификации кандидатов, квалификации их деятельности, доходов, моральных характеристик (честность, умеренность, порядочность)… Элита, а вернее, элиты не могут возникать и функционировать без конкурентной системы образования, конкурсной практики занятия ключевых позиций и должностей ... Именно профессиональная группа или культурная среда должны засвидетельствовать ценность и оригинальность достижений данного кандидата на вхождение в состав элиты». Но эта концептуальная конструкция не имеет отношения к нашей отечественной практике. «Российская «элита» представлена лишь околовластными кругами, поскольку нет никаких других образований либо инстанций, санкционирующих авторитет кандидатов в элиту. Соответственно приходится говорить о ... «позиционной элите», то есть о номенклатуре» [10].

В условиях экономических и политических санкций, которые были предприняты по отношению к России в последние годы, проблема «национализации элиты» перешла в практическую плоскость. В частности, США предприняли ряд мер по выявлению размещенных олигархами капиталов в иностранных юрисдикциях с угрозой их конфискации. Упомянутое стало детерминантой изменения дискурса российской элиты.

И теперь перейдем к сфере неопределенности в процессах изменения дискурса российской элиты. Как было авторами статьи выше отмечено, неопределенность по отношению к принятию трендов цифровизации является следствием проявления слабости стратегического мышления компрадорской элиты и недальновидности руководителей различных уровней, долгие годы пустословивших о необходимости отхода от модели сырьевой экономики. И практическим проявлением указанного стали: – дефицит у представителей правящей элиты и у оппозиции знаний, необходимых для формирования «цифровой экономики» и в этом контексте наблюдается феномен информационного года, выражающийся в отсутствии понятных для региональных и муниципальных элит алгоритмах действий; – неспособность региональных и муниципальных чиновников принимать решения в условиях высокой неопределенности и непонимание упомянутыми акторами механизмов целенаправленного снижения неопределенности; – крайне низкая рентабельность многих бизнесов в нынешних условиях денежного голода; – де-факто отсутствия в регионах эффективно функционирующих структур осуществляющих трансфер современных технологий; – дефицит в отечественной политической науке научных исследованиях взаимозависимости институционального развития в контексте формирования «общества знаний» и «цифровой экономики» и др.

Кроме этого, можно сказать, что существует и такая неопределенность, в рамках которой онтологическая проблема практической реализации идей цифровизации очевидным образом распадается на две части: а) где взять квалифицированные кадры; б) что делать с той частью населения, которую заменят роботы. Вместе с тем, масштаб и диапазон социально-политических вопросов, возникающих при формировании «цифровой экономики», в значительной мере зависит от степени развитости инновационных технологий в регионах. Теперь технология становится политической сущностью, от которой зависит не только развитие общества, но и его выживание в условиях различного рода санкций и целенаправленного воспрепятствования выходу на уровень развитых стран. Благодаря множеству цифровых технологий, преобразуются практически все виды деятельности.

Одновременно, на упомянутые дисфункции накладывается низкое качество стратегического планирования в рассматриваемой сфере. Для иллюстрации приведем следующий пример. Так, вице-премьер Ольга Голодец раскритиковала программу «Цифровая экономика» за безграмотные формулировки с точки зрения трудового законодательства. Об этом она заявила в ходе заседания Российской трехсторонней комиссии (РТК) по регулированию социально-трудовых отношений. По ее словам, программа не была согласована с Минтрудом РФ. «Я просто текст беру программы, он не проходил визирование в министерстве труда, я не знаю, как это может быть. Здесь огромный блок, связанный с развитием трудовых и социальных отношений. Здесь формулировки, которые к жизни никакого отношения не имеют. Например: «не менее 60% компаний на рынке труда используют персональную траекторию развития вместо трудовых книжек». Как это вообще пересекается? Это текст из программы, это документ. Как вот такой документ может появиться?», – заявила Голодец [11].

Из приведенной цитаты достаточно очевиден вывод, в соответствии с которым процессы цифровизации должны быть публичными, в ином случае граждане не станут выражать деятельную политическую поддержку инициативам власти. Аналогичная ситуация и в бизнесе, в отношении которого власть продвигает идею внедрения так называемой модели «индустрии 4.0», как ключевого элемента в промышленной конкуренции на мировых рынках. Соответственно, от высших чиновников обществе имеет право ждать более взвешенных суждений и тщательно проработанных документов.

Перейдем к роли элиты в формировании так называемых «умных городов». Одним из направлений цифровизации является ориентация на формирование «цифровых городов», повседневность которых основана на использовании возможностей инновационных технологий.

В настоящее время в силу ряда объективных и субъективных причин по целому ряду сущностных вопросов наблюдается расхождение интересов федеральной и муниципальной элит [12]. Реализуемая в рамках национальной технологической инициативы и создания «цифровой экономики» идея формирования «умных городов», в том числе, может рассматриваться и в качестве основы уменьшения упомянутых внутриэлитных противоречий. Речь идет об одном из направлений необходимой для всех муниципалитетов реформы, связанной с проблематикой качества жизни в городах. Если не создать отвечающие современным требованиям условия для проживания, неизбежно усиление перетока населения не только из сельской местности, но и из средних, не говоря уже о малых городах. В рассматриваемом контексте муниципальная элита должна инициировать и реализовывать предложения по созданию «умных городов», выдвигать инициативы и творчески работать над амбициозным проектом высшего руководства страны.

Рассматриваемая проблема входит в число глобальных, отражая общемировые тренды. Уже сегодня больше людей живут в городах, чем в любое другое время в истории человечества. Число жителей городов, как прогнозируется Организацией Объединенных Наций, к 2050 году увеличится – и 66% населения мира будут жить в городских районах [13]. Мы находимся в начале городской революции [14], с одним из элементов

ускоренной трансформации городов, которая неизбежно повлияет на трансформацию муниципальной элиты.

Более того, технологии трансформируют рабочие места и значительно повышают производительность труда [15]. Оцифровка – все технологии, процессы, инструменты и методы, которые позволяют бизнесу адаптировать свою бизнес-модель. Однако упомянутое возможно только при условии получения знаний руководителями и исполнителями на всех уровнях управления. Соответственно актуализируется проблема получения новых знаний как федеральными, региональными, так и муниципальными чиновниками и иными причастными к элите акторами.

Однако представляется разумным проявлять определенный уровень осторожности в указанных вопросах, поскольку инновационные технологии это не только дополнительные возможности, но и новые риски. В России элитой связаны с изменениями в существующих рабочих процессах трансформации и на настоящий момент политические и экономические последствия рассматриваемой модернизации не просчитаны. В этом контексте консервативный подход может быть обоснован, но в условиях развития в мире цифровых технологий все риски необходимо просчитывать заранее, что в России до настоящего момента применительно к рассматриваемой проблематике не было сделано.

Из данного осмысления следует вывод о необходимости принятия правящей элитой мер направленных на повышение доверия населения к предлагаемым новациям. Западная и Северная Европа в этом отношении накопила большой опыт, включая инвестиции в меры безопасности, обеспечения конфиденциальности и отчетности акторов цифровой экономики перед обществом.

Перейдем к возможностям осуществления оценки эффективности участия элиты в формировании цифровой экономики. Как логически следует из представленных выше доказательств, изменения в элитном дискурсе неизбежны, а также и вопрос о критериях качества соответствующих трансформаций.

Сравниваемые на международном уровне статистические данные в сочетании с надежным межстрановым анализом имеют решающее значение для укрепления базы фактических данных для разработки цифровой экономики, особенно в контексте быстрых изменений. Понимание их может помочь в учете трендов глобальных трансформаций.

В настоящее время для оценки продвижения «цифровой экономики» используется так называемый «индекс цифровой эволюции». В мониторинге участвуют 60 стран по четырем ключевым факторам: – доступ в Интернет / инфраструктура; – потребительский спрос на цифровые артефакты; – институциональная среда (государственная политика и т.д.); и – инновации. Рынки размещались в одной из четырех категорий [16]:

- «Stand Out» – топ-исполнители (Великобритания, США, Сингапур, Гонконг, Япония, Израиль, Эстония, ОАЭ и Новая Зеландия), которые являются лидерами в инновациях и связанному с ними росту экономики;

- «Stall Out» – страны имеют историю роста, но в них отмечается замедление темпов (большая часть Западной Европы находится в этой категории, а также в нее входят Австралия и Южная Корея);

- «Break Out» – для входящих в эту категорию стран характерен более низкий уровень цифрового развития, тем не менее государства демонстрируют быстрый рост, в их числе Китай, Индия и Россия;

- «Watch Out» – низкое цифровое развитие и медленный рост. В эту категорию входят Южная Африка, Египет и Греция.

Определенная аналитическая польза от упомянутого индекса существует, тем не менее, он никак не отражает роль элиты стран в развитии процессов цифровизации. Соответственно, перед отечественной политической наукой актуализируется вопрос необходимости разработки методологии оценки эффективности деятельности национальных политических акторов в рассматриваемой сфере.

Подведем итоги и сделаем выводы из представленного выше текста. Новый курс высшего руководства страны, отражающийся в формировании «цифровой экономики», «электронного государства» и «умных городов» предполагает интенсификацию политических взаимодействий между всеми заинтересованными акторами. Внешние и внутренние условия развития страны становятся детерминантой появления зачатков «цифровой элиты», появление которой объективно необходимо для развития страны и продвижения технологических, а также политических новаций.

С точки зрения формирования в современной России зачатков «цифровой элиты» причинно-следственные связи работают во всех направлениях. Передовая часть правящей в России элиты остро нуждается в выработке новой политической парадигмы, способной дать идее «цифровой экономики» как инструмента модернизации страны и практикам стратегического действия реальные модели, тем самым способствовать преодолению тех парадоксов и проблем, которые на сегодняшний день стремится преодолеть российское общество.

Использование преимуществ «цифровой экономики» подразумевает применение инновационных информационных и коммуникационных технологий, особенно такого рода, которые называются «разрушительными». Полный отход от поставленных высшим руководством страны целей в сфере цифровизации не обязательно может быть результатом латентного саботажа, но может произойти в результате побочных процессов.

Сегодня системные политологические исследования в данном направлении практически не проводятся, что может негативно сказаться на роли политической науки в процессах цифровизации общества. В России необходимые для инновационного развития знания фрагментированы и на их основе невозможно решить поставленные высшим руководством страны задачи по формированию «цифровой экономики». Соответственно, необходима разработка модели трансфера знаний, ориентированная на потребности всех заинтересованных в новациях акторов (в том числе в системе образования).

Задача элиты предвидеть последствия и принимать меры по их смягчению, что в современной России не стало доминирующей практикой. Дополнительный негативный фон создают многочисленные сообщения в масс-медиа о фактах коррупции, существование феномена которой противоречит идее цифровизации бизнеса.

Литература

1. *Шкаратан О.И.* Российская псевдоэлита и ее идентификация в мировом и национальном контекстах // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 130-141.
2. *Ханна П.* Второй мир. –М.: Изд-во «Европа», 2010.
3. *Науменко Т.В.* Институциональное поле современного Китая // Вестник Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы. 2017. № 1. С. 86-91.
4. *Гуриев С.* Промежуточные институты. Каковы условия и риски их работы // Фонд Карнеги, 2017, 31 ноября.
5. Кудрин А. заявил о риске потери Россией статуса технологической державы // INTERFAX.RU, 2017, 23 ноября. Электронный документ: http://www.interfax.ru/russia/588760.
6. *Путин В.В.* Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию // Kremlin.ru, 2014, 5 декабря. Электронный документ: http://kremlin.ru/events/president/news/47182.
7. Распоряжение №1632-р от 28 июля 2017 года, утверждающее программу «Цифровая экономика Российской Федерации» // Российская газета. 2017. 30.07.
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы».
9. *Паппе Я.Ш., Галухина Я.С.* Российский крупный бизнес. Первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008. –М.: ГУ-ВШЭ, 2009.

10. Гудков Л., Дубин Б.В. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // Pro et Contra, 2007, № 3. С. 76-77; Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. –М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
11. Голодец О. Раскритиковала программу «Цифровая экономика» за «неграмотность» // Информационное агентство «Rambler News Service (RNS), 2017, 24 ноября. Электронный документ: https://rns.online/economy/Golodets-raskritikovala-programmu-TSifrovaya-ekonomika-za-bezgramotnost-sotsialno-trudovih-ponyatii--2017-11-24/.
12. Подробнее: Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Изменение баланса интересов государственной власти и местного самоуправления / Под ред. Е. С. Шугриной. – М: Изд-во «Проспект», 2017.
13. World's population increasingly urban with more than half living in urban areas. – New York: UN, 2014.
14. *Beurteaux D.* Disrupters: Devices for the Digital Economy, Urban Environments // Digitalist Magazine, Executive Quarterly, 2017, № Q4.
15. Паспорт приоритетной программы «Повышение производительности труда и поддержка занятости (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 30.08.2017 № 9).
16. Digital Planet 2017: How Competitiveness and Trust in Digital Economies Vary Across the World / The Fletcher School of Law and Diplomacy, Tufts University, 2017.

Chapurko Tatiana Mikhaelovna, doctor of political Sciences, Professor; Krasnodar University of the MIA of Russia (128, Yaroslavl street, Krasnodar, 350005, Russian Federation).
E-mail: chapurko@mail.ru
Voloshin Ivan Ivanovich, postgraduate student; South-Russia Institute of Management-branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: chapurko@mail.ru
Chapurko Yana Yanovna, graduate student, assistant;e Kuban State Agrarian University (13, Kalinin St., Krasnodar, 350044, Russian Federation). E-mail: chapurko@mail.ru

EMERGENCE OF «DIGITAL ELITE»
IN MODERNIZATION PROCESS OF RUSSIA

Abstract

In the article the authors put forward and will consider the hypothesis that appearance-research Institute in modern Russia the determinants of the emergence of the rudiments of the so-called «digital elite» – the group of actors related to the ruling political elite and the elites business whose future they associate with cyfrowy-organization of the country. These actors differ from the so-called «technocrats pub personal discourse,» not as busy futurologies delights and out-implementing in practice initiated by the leaders of digital innovation and depending on the success or failure of initiatives will be determined by their political legitimacy.

Keywords: *ruling elite, elite, digital elite.*